

ЛИНГВОПОЭТИКА

Специфика эстетики “Стихов о Прекрасной Даме” А. Блока и ее восприятие в корейской аудитории

© кандидат филологических наук Ким Ын Чжун (Корея), 2000

В Корею Блок как представитель русского символизма не очень известен и не занимает в восприятии корейских читателей должного места. Лишь в 1989 году первый и последний раз его маленький сборник появился на корейском языке¹. Если французский символизм как литературная школа был активно воспринят и изучен корейскими читателями, то значение русского символизма в контексте мирового общелитературного движения было недооценено. Более того, в корейской аудитории творческий путь Блока воспринимается односторонне как путь от декадентского символизма к реализму как творческому методу, наиболее точно отражающему объективную историческую действительность, и поэтому ранние стихи Блока получили вполне определенную отрицательную характеристику не только в советском, но и в корейском литературоведении (вплоть до начала 90-х годов этого века). Философско-эстетическая теза символизма и эстетика как ее воплощение в художественном творчестве в работах корейских литературоведов расценивались — как *болезненное* увлечение мистикой и Красотой при забвении объективной действительности, что изживалось поэтом под благотворным влиянием революционных идей современности. Сегодня, когда мы имеем возможность беспристрастного изучения творческого наследия Блока как символиста в полном объеме, такое одностороннее и упрощенное понимание русского символизма, питавшего на рубеже веков многие научные теории и доктрины, уже не может удовлетворить российских и корейских молодых исследователей. Блок не нуждается в извинительных интонациях по поводу “грехов его молодости”. Добавим, что в Корею символизм как литературное движение тесно связываясь с декадентским мироощущением (в частности, болезненным и упадочным эстетизмом, бессильной капитуляцией перед детерминированностью), оказывался не соответствующим требованиям того времени, потребностям Кореи, стремящейся освободиться от колониального гнета, поэтому не была развита и активно не разрабатывалась идейно-эстетическая

¹ А. Блок. “О, я хочу безумно жить” Сеул, “Открытые книги”, 1989.

теория символизма. Воплощение идеала в конкретной действительности в соответствии с “Духом Времени” (термин Блока) является актуальной также для корейских символистов — живущих в остросоциальной эпохе — в начале XX-го века. Полагаем, что углубленное изучение проблемы соотношения Красоты и нравственности (эстетического гуманизма), искусства и жизни, эстетизма и историзма, проблемы сопротивления объективной действительности творческой субъективной воле как существенных проблем русского символизма поможет прояснить, что значил корейский символизм в корейском литературно-культурном и историческом контексте и каковы причины и итоги процесса выхода корейских поэтов за пределы символизма. Но такая постановка проблемы требует дальнейшего углубленного исследования. Эта работа — лишь один шаг к решению этой проблемы.

Сопоставительный анализ корейской и зарубежной литературой обычно проводится в Корее со стороны содержания — т. е. на уровне мировоззренческо-эстетическом. Но чтобы выявить сущность философско-эстетических принципов символизма, анализ должен быть произведен не только на уровне мировоззренческо-эстетическом, но и образно-поэтическом, что является нашей задачей. В “Стихах о Прекрасной Даме” А. Блока положительный идеал как *ценность* соответствует поэтическому воплощению. Поэтический идеал у Блока рисуется в мистическом образе Прекрасной Дамы, всесторонне прекрасной, гармонически совершенной как воплощение Души мира, носительницы объективной Истины. Основной “символ-категория” (ключевой символ бытия) — это Вечная Женственность, Душа мира как основа космического бытия и жизни и как проявление эстетической природы мирового духа. На представлении о духовно Прекрасном как мировой субстанции и свойстве объективной действительности основана блоковская идея гармонического человека будущего (“человека-артиста”). Для Блока характерно восприятие всего происходящего как знаков-символов событий в “иных мирах” в духе мистически-романтического “двоемирия” и в свете мистико-эстетической утопии. Отдельные символы складываются — поэтически и философски — в “миф о красоте” (Вечная Женственность), которая должна сойти на землю, “сочетая” дух и материю, небесное и земное в “жизни прекрасной, свободной и светлой”. Софиология поэзии как Абсолют Красоты основана на единстве любви и Красоты. Важно и то, что для Блока неразрывны любовь земная и священная, чувственное восприятие материальной природы и “трепет жизни мировой”. А красота воспринимается как абсолютная объективная ценность и в то же время как средство преобразования бытия и действительности, средство

воплощения идеала. “Деятельность” Красоты обнаруживается в “практическом мистицизме”, находя воплощение в образе Прекрасной Дамы.

В центральном образе, в героине цикла, в которой находит выражение поэтический идеал, выявляется божественная ее суть и при этом — многоименная: она ассоциируется с Дамой как объектом рыцарского служения и поклонения, с Царь-девицей, с невестой русского свадебного обряда, с “Царицей-народной”, со “спящей красавицей”, с Богородицею, с Беатриче, Офелией, с “хранительницей-Девой” — музой поэта, и с апокалипсической “Женой, облеченной в солнце”. Например, во “Вступлении”² героиня одновременно и Царь-девица как воплощение Вечной Женственности, и Невеста, ждущая Жениха, и Богородица при сближении с Зарей, и Премудрость София в связи с функцией “воздвижения”: “Что воздвигала Царевна Сама? /.../ Ты ли меня на закатах ждала? / Терем зажгла? Ворота отперла?”; “Вдруг примчалась на север угрюмый, / В небывалой предстала красе. / Назвала себя смертной думой, / Солнце, месяц и звезды в косе” (с.109). И наконец, Вечная Женственность сближается со смертью при сочетании фольклорного образа “царь-девицы” и апокалипсической “жены, облеченной в солнце”. Блок ищет имени для Абсолютного, что является для него актом оформления хаоса и постижения Логоса. Его Прекрасная Дама как воплощение мечты поэта приходит как неясное колдовское — романтическое — “видение”, обретая разные ипостаси: “розовая девушка”, “смертная дума”, “дочь блаженной стороны” (с.54), Мария и печальная жена (с.101), “Вечерняя Звезда, Невозмутимая, Тихая, Ясная” (с.64), “Закатная, Таинственная Дева” (с.68), “владычица вселенная, / Красотой неизреченной” (с.93), “Подруга желанная” (с.76), “мой вечный друг, хранительница-Дева”, “Жена” (с.91), “Голубая царица земли. Царица — Обрученная с холодом зим” (с.84), “Прекрасная Дама, Величавая Вечная Жена, Святая, Милая” (с.128). Благодаря такой многоименности открывается ее сложная противоречивая сущность.

Понять эту сущность позволит взгляд на структуру образа в системе важнейших параметров, таких как пространство, время, цвет, звук.

У героини стихов свое собственное художественное пространство в противовес пространству лирического героя: если для него характерны “низкие миры”, “зубчатый лес” (с.64), “родимая долина” (с.73), “равнины и болота” (с.75), “перекресток” (“распутье”) (с.99), то ее миры являются “высшими дальними мирами”, подчеркнуто просторными и безграничными, это — небо, заря, звезды, солнце, “высокий терем” (с.47), “высокая дальняя гора” (с.64, 65, 72) и пустынный дол.

² А.А. Блок. Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т.1, с. 48. М., “Наука”, 1997.

Если время героя — это преимущественно зима, то образ героини связывается с весной как порой приближающихся Ее земных воплощений, но в этом же ряду вечерние зори, сумерки, настраивающие на ожидание свидания с нею: “Вечер прекрасен... Заря замерла... Залит весной беззакатный наряд. Ты ли меня на закатах ждала” (с.47). “Вечер”, “закат” возникают здесь потому, что Прекрасная Дама, вызванная мечтой лирического героя, “является” не в “тревоге дня” с его суетой и шумом, и не “поутру”, а “ввечеру”, “в лучах закатных” — в пору умиротворенности. Освещение вечернее, сумеречное является существенным элементом мистического романтизма. В связи с этим интересно отметить, что мрак (сумрак) и ночь истолковываются, с одной стороны, как “священные”, как время мистической встречи, а с другой — как примета страшного земного мира, как символы забвения, смерти, ужасов в противовес утру, несущему свет, надежду: “Ночью вьюга снежная / Заметала след. / Розовое, нежное/ Утро будит свет. / Встали зори красные, / Озаряя снег. /.../ Деву в снежном инее / Встречу наяву” (с.82). Соединение огня и мрака — характерная черта поэтики Блока. Наряду с эмпирическим временем — с “вечером”, ее “явления” связаны с бессмертной “вечностью” — бесконечностью, постигнутой лишь “на миг”, и с циклически повторяющимся земным временем (перекликающимся с образом смыкания / размыкания “круга”). Отсюда характерные для Прекрасной Дамы “смутная память о будущем”, соединение будущего и прошлого. Здесь можно увидеть отражение, связанной с античностью идеи метемпсихоза — переселения душ, с которой соединены у Блока идущие от Платона представления об “анамнезисе” — “смутном” поэтическом воспоминании души о ее прежних состояниях: “Под вашу песнь из глубины / На землю сумерки сходили / И вечности вставали сны!...” (с.49). Трактовка понятия “времени” способствует закреплению представления о двойственном характере Вечной Женственности: с одной стороны, она — разгадка тайны времени, побеждающая его “проклятие”, его расколотость и замкнутость, а с другой — пленена его хаосом, “плачущая”. Отсюда эпитет “запоздалый”.

Для характеристики героини используются устойчивые цветовые решения — налицо определенная связь интенсивности цветовых ощущений с представлением об идеале. Цвет интересен не только своей символическостью, но и выраженным эмпирическим планом, наполняя стих эмоциональным содержанием, способствуя, благодаря “субъективной окрашенности”, созданию индивидуального образа явления. Красочное воспринимается как прекрасное, а это последнее, в свою очередь, оказывается чувственно постигаемым, а не искусственно конструируемым или отвлеченным. Особенно значим “белый” цвет, с кото-

рым связывается представление о святости, чистоте и невинности Ее, способствуя сближению с Богородицей. Отсюда — характеризующие героиню определения: “Белых птиц над океаном” (с.51); “Белый, белый Ангел Бога” (с.76); “Один и тот же снег — белей / Нетронутой и вечной ризы” (с.108); “Белая Ты, в глубинах несмутимая” (с.102). Белая риза Богородицы является символикой покрова — защиты от зла, и бед “страшного мира”. “Белая Ты” — вот символ истинной души вселенной, вечной сущности мировой жизни. Но наряду с этим существует и противоположная концепция белого цвета: “Торжествуя победу могилы, / Белый — смотрит в морозную даль” (с.84); “Как ты лжива и как ты бела. / Мне же по сердцу белая ложь...” (с.102). Последнее стихотворение в рукописи озаглавлено “Из действительности”. Отсюда написание “ты” со строчной буквы, сниженный образ “белого” как лживого, как обманчивого, как противопоставленного жизненным переливчатым краскам и словам. “Красный”, “алый” цвет в связи с “закатом”, “зарей”, “сумерками” является сигналом появления Прекрасной Дамы или знаком необычной любви героя к героине: “Красная тайна... поджигал на заре терема... Красное пламя... в лазурную высь” (с.47); “Ты, в алом сумраке ликуя, ночную миновала тень” (с.52); “алеют небеса” и др. В связи с этим возникают кровавый (“в кровавых цветах”, “в кровавом поле”) и багровый цвета (“багровые костры”) с оттенком тревожности. Свет, лучезарность, связываемые с солнцем и звездами, сиянием, горением и озарением в противовес мраку, мглу, туману, характерны для Прекрасной Дамы. О ней сказано: “Несказанный свет”, “непостижимая звезда”: “Ты, лазурью золотою / Просиявшая навек” (с.71); “Обетованная земля — / Недостижимая звезда... / Звезда — условный знак в пути” (с.71); “Ясная, Ты с солнцем потекла” (с.64); “Просиял твой свет” (с.66). Существенно важно для Блока отношение к идеалу как “источнику света”, озаряющему (освещающему) мрак “страшного мира”. Прав П. Жуков (“Л. Андреев и А. Блок”, Уфа, 1915, с.32), так характеризуя мистические взгляды Блока: “Прекрасная Дева, о которой поэт мечтает и к которой неуклонно стремится, есть солнце завета, дальняя заря, вселенский свет”: “Верю в Солнце Завета, / Вижу зори вдали. / Жду вселенского света / От весенней земли. /.../ Предо мной — к бездорожью / Золотая межа. /.../ Непостижного света / Задрожали струи. / Верю в Солнце Завета, / Вижу очи Твои” (с.95). Здесь выразилось мистическое мирозерцание Блока, ожидавшего воплощения Красоты на земле. Эпиграф “И Дух, И Невеста говорят: приди” взят из Апокалипсиса. И получает такое истолкование в дневниковой записи от 26 июня 1902 г.: “Перед нами Невеста — будущая Жена — дверь блаженства... И Дух (очищение лица) и Невеста (очищение Вселенной) говорит: приди.” Утверждается

триединство: Невеста (Богородица), Жена (облеченная в солнце) и Вечная Женственность. Сущность записи заключается в мистико-утопической мечте об “очищении личном и вселенной” явлением Вечной Женственности. “Солнце Завета” — это Откровение Иоанна Богослова, которое Блок считал “третьем заветом”, носителем идей “окончательного “апокалипсического” синтеза” достижимого в “конце света”. Новозаветную символику Солнца можно сравнить с апокалипсическим образом “Жены, облеченной в солнце”. Характерно отождествление Солнца и лирического героя “ты” в письме Л. Д. Менделеевой от 29 января 1902 г.: “Теперь передо мной впереди ныне только чистая Вы, и ... бестрепетно неподвижное Солнце Завета”. Новозаветная символика связана с ожиданием “конца света”, в котором мистифицировано отражаются предреволюционные чаяния гибели старого и начала нового мира. Здесь существенно важно то, что соотношение мрака и света как действительности и идеала остается основой отношений героя, принадлежащего к “страшному миру” к идеалу.

Наконец, с героиней связывается звуковая гамма: “песня”, “смех”, “шептание”, “живые голоса”, “звучная тишина”. Но одновременно Она — “Тихая” (с.64), олицетворяя покой и умиротворенность при удалении от земных шума, суеты и волнения. С одной стороны, у Блока “тишина” трактуется в мистическом плане, служит проявлением абсолютной и “неподвижной” сущности мира. А с другой — связывается с изображением мира, противопоставленного идеалу. Отсюда характерный для Прекрасной Дамы оксюморон “звучная тишина”.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в “Стихах о Прекрасной Даме” доминирует двуединство любви и природы, поэтического идеала и искусства как объективной сущности. Пантеистическое мироощущение определяет сущность образа Прекрасной Дамы, для которого характерна “диалектическая” динамика.

При обращении к пейзажу соотношение “эмпирического” и “мистического” плана у Блока оригинально, поскольку проявление “духовной сущности” в земном, делает природу столь же прекрасной, как и героиня. Ее сущность, выявляемая параллелью с природой, заключается в единстве “я” и “мира”, и ее “явление” происходит в природе — “безграничной”: “Перед Тобой синеют *без границы* / Моря, поля, и горы, и леса, / Перекликаются в свободной выси птицы, /.../ Узрев на миг бессмертные черты, /.../ Вкусив на миг бессмертия Твоего” (с. 67). Проявление Ее в природе, отождествление Ее с образами природы (“Дева — Заря — Купина”, образы весны) развивается позднее в поэтических концепциях Блока о “стихии” как “символе-категории”, вытеснившей “Душу мира”.

Таким образом, Ее мир и мир природы — звучащие, красочные, вечно движущиеся, вызывающие представления о вечности: “Под вашу песнь из глубины / На землю сумерки сходили / И вечности вставали сны!...” (с.49).

“Певучая” сказано о Ней: этим словом определяется творческое начало, свойственное и лирическому герою: их “песня” образует двухсторонний хор, в котором сливается небесное (“Ты”) и земное (“я”), напоминая о соловьевской концепции их синтеза: “Пробивалась певучим потоком, / Уходила в немую лазурь, /.../ Словно небо вернулось к земле” (с.109).

Но у “песни” этой двойственный характер: искусство и действительность находятся в сложном соотношении. С одной стороны, Ее “песня” “Тайный страх сердечный совлекла С отвагою мужей и с нежностью девицы”: искусство (“песня”) действительна, служит “преобразованию” мира, вносит в него “созвучность” и гармонию: “ Ты *песнью* без конца растаяла в снегах / И раннюю весну созвучно повторила. / Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах / И камни площадей и улиц освятила. / Тебя пою, о да! Но просиял твой свет / И вдруг исчез — в далекие туманы” (с.68).

А с другой стороны, Ее “сладостная” и “нежная” песня “таит в себе невидимую ложь”: искусство не может служить “преображению действительности”, несет в себе “ложь”, “желанный обман”, которым прикрывается страшная действительность. Позднее это найдет выражение в поэме “Соловьиный Сад”, где возникнет тема сладкой песни, убивающей человеческую волю и чувство жизни. Здесь “слово” сближено с божественным Словом-Логосом, разрушающим “ночную тайну” и “молчание” как безответность, с ясностью. А “сладостная” песня связана с “феноменальной”, и “соблазнительной” мелодией, т. е. не с сущностью, а с земными “смутными” явлениями. Для Блока характерно противопоставление хаотичного мира “психологии”, связанной с “высшей” правдой мира Душе. Музыкальность” связывается не только с миром сущностей, но и с миром лирического героя, принадлежащего к земной действительности. Образы искусства, как и мира положительного идеала-героини и мира лирического героя, существенно важны для последующей разработки концепции “человека-артиста” как творческой и гармонической личности. Искусство как воплощение красоты и гармонии противопоставляется безобразию действительности и способствует “оформлению” жизни, формированию поэтической концепции сущности мира и бытия как “духа музыки”. Самое важное здесь то, что главная ценность для поэта — человек и создаваемый им гармонический мир. Здесь существенны мысль о родстве мира высокого идеала и мира ис-

кусства и представление о музыке как самом высшем в ценностной градации искусств.

Из всего сказанного видно, что для эстетики “Стихов о Прекрасной Даме” характерны сгущение образов до символов, импрессионистичность с максимальным использованием “цвета” и “света”, “живописного образа” и “музыки” в стихе, смысловая значимость звука. Все образные средства стихотворения естественны, жизненно органичны здесь множество тонких метафорических параллелей. Самобытность поэтики “Стихов о Прекрасной Даме” заключается в создании реального поэтического единства многопланового и “многоликого” образа-символа и в создании синтеза мистического и реального плана. Как справедливо отметила З. Г. Минц³, стихотворения отнесены и к мистическим, и к реальным переживаниям. Переплетение планов — реального и метафорического, — вещи и символа и взаимодействие разных смыслов многозначного слова обуславливает глубину текста. Поэтому можно сказать, что “Стихи о Прекрасной Даме” — это художественно адекватное воплощение “нового искусства”, где отражается “все во всем”, символически преобразуется “личная и мировая” жизнь. Сущность для Блока точнее всего выражается языком символического намека, и это — наиболее реальное художественное воплощение символистского панэстетизма. Особенность поэтики Блока как младшего символиста заключается, во-первых, в существовании двух типов символики, восходящих к двойственности оценки “земного”: первый “земной” план (имеющий самостоятельный ряд значений) и мистический план (относящийся к миру мистических идей и не имеющий “жизненных” бытовых адекватных реалий). Во-вторых, это важность мифа как ключа к пониманию значения образов при мифопоэтическом характере мировоззрения. В-третьих, это близкая символистскому мифологизму мысль о том, что воплощение мира происходит не только в мировом универсуме и в мировой истории, но и в душе и в жизни каждого человека, вступающего в живые, личные отношения с силами мирового целого — тоже живыми и “универсально-личными”. В-четвертых, это осознание значения лирики как возможности вместить в образы мгновенных переживаний всю историю мира. “Стихи о Прекрасной Даме” восходят к “мифам” при сходстве мифопоэтической картины мира как основы поэтического мировидения (“я”, “ты”, их драматические взаимоотношения) Лирический герой выступает в роли носителя реального чувства человечества в человеке, что в дальнейшем приводит и к интегральности самого образа лирического героя, к отказу поэта от воссоздания индивидуального ха-

³ Минц З. Г. Блок и русский символизм. с.118. Она же: Символ у Блока. // В мире Блока. М., 1981. с. 172-184.

рактера, замкнутого и отделенного от других. Таковы особенности художественного мира поэта, обуславливающие характерную черту его поэзии — ее объективность, внеличность, жизненность. Блоковский панэстетизм, вера поэта в объективность искусства оказываются кардинально важным для его дальнейшего творческого развития. Образ Прекрасной Дамы — и это отличает Блока от других младосимволистов — воплощает “сладостную и упорную жизненную силу”, а не начало аскетизма, страдальчества, жертвенности. Поэтому “Стихи о Прекрасной Даме” — это не стихотворная иллюстрация философско-эстетической концепции младосимволистов, а поэтическое воплощение конкретных переживаний мистически настроенного человека, по-своему воспринимающего идею Вечной Женственности.

Миф о Вечной Женственности — о Красоте, спасающей мир, не очень распространен в Корее в силу особенностей национальной религии и другой идеологии. Часто положительная женственность связывается не с образом невесты и возлюбленной, а с образом матери как лона земли или с женой, воплощающей не Красоту, а жертвенность и самоотдачу. В мироощущении корейцев красота связывается с упадочной эротичностью и «страшной» соблазнительностью, толкающих к забвению реальной действительности и убивающих жизненную мужественную силу, или с отвлеченностью и аскетической тональностью. Героиня часто остается идеалом, который невозможно достичь в земной реальности. Если она получает воплощение в жизни, то она изменяет облик и все смешивается. В этом смысле связь образа Прекрасной Дамы с мифом “Души мира”, плененной земным хаосом, и с образом “спящей красавицы”, которую надо спасти, существенно важна для понимания особенностей русского миропонимания, в частности русского символизма. Образ “спящей красавицы” выражает Красоту, плененную недоброй силой и земными оковами, которую лирический герой должен спасти, победив зло. В конечном счете героиня выйдет из глубокого сна — мертвенности, что воспринимается как начало “сознания” и начало жизни и движения. Интересно отметить, что в корейском символизме (вслед за французским) воспринимается активно не столько образ “спящей красавицы”, сколько мифический образ “Нарцисса”, влюбленного в самого себя, в свое отражение в воде как в зеркале. Здесь образ “зеркало” выражает не внесубъективность (не взгляд со стороны), а поверхностное отражение и субъективный взгляд изнутри, лишенный объективности. Поэтому образ женственности в корейском символизме не достигает той высоты и священности, перед которой преклоняются русские символисты. Все это показывает разные подходы к Красоте в русском и корейском сознании. В этом смысле в русском словаре присутствие

слова “прекрасное”, означающего не только Красоту, но и Добро, т. е. их гармонический синтез, имеет существенное значение и выражает национальную особенность русского сознания. Очень важно отметить, что “Прекрасная Дама” предстает перед нами как синтетический образ Красоты и Добра, и как гармония (единство) мистического и земного, т. е. возвышенно мирового и чувственно-земного плана. В Корее, в частности в творчестве корейских символистов, такой синтетический образ женщины встречается лишь в отдельных стихотворениях и не достигает такой “универсальности” и “последовательности”. Это объясняется особенностью корейской национальной идеологии и народной психологии. В корейской литературе образ женщины обычно отступает на второй план. Интересно отметить, что наряду с этим подходом к женщине образ матери воспринимается как синтез женственности и мужественности. Ее образ включает в себя проблему не только красоты, но и правды (добра-гуманизма), поскольку она толкает сына идти по справедливым и добрым путям жизни и воспитывает его сильным человеком. Поэтому она строгая, но одновременно является символом всепрощения и теплоты, отдыха на жизненном пути героя. Ее суть заключается в синтезе “правды” и “гармонии-красоты”, “конкретно личного” и “сверхчеловечески священного”. Здесь подчеркивается ее внутренняя красота и ее жизненная воля. Она является, с одной стороны, синтезом духа и “плоти”, и с другой стороны, синтезом общего и лично-индивидуального. Она дает сыну конкретную “жизнь” со всей ее сочностью и чувственностью, и одновременно она вызывает у сына прапамять о чем-то за пределами существенном и толкает его к познанию жизни и самопознанию. Интересно также отметить, что в стихах Блока Прекрасная Дама отождествляется с Богородицей, но не появляется конкретный образ матери. Но тем не менее следует указать на переключку мифа о “Вечной Женственности” и мифа о “матери”. Сомнение в жизненности и объективности “Вечной Женственности” возникнет у Блока в период “Распутья”. Но в корейской литературе почти не бывает сомнения в жизненной силе матери, и потому она не подвергается иронии. Если характеристика “Прекрасной дамы” как воплощенной красоты определена панэстетическим мироощущением, то образ “матери” воплощает не сколько Красоту, столько добрую волю, связанную с аскетичностью и жертвенностью. Вместе с тем она толкает сына почувствовать жизнь и наслаждаться ее благами и красотой. Мать прекрасна и красива, поскольку она просматривается не через внешний, а через внутренний взгляд сына (т. е. в корейском сознании восприятие красоты есть помеха на пути к правде и откровению). В образе матери противоречиво синтезируется то, что несет радость, счастье, земная конкретность чувства (она дарит

сыну “жизнь” со всей красотой и питает его грудью) и духовное начало, лишенное телесных контуров (черт облика женщин). Столкновение двух противоположных концепций идеала делает природу женщины сложно-противоречивой, что показывает противоречивый подход корейцев к женщине и к Красоте.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод и об общности идеалов в корейской и русской литературе. Во-первых, идеал этот — гармонический, обладающий эстетической и этической ценностью. Во-вторых, идеал является синтезом мужественной активности и женственного лона. Идеал как жизненная сила и жизненная опора вызывает тяготение к мужественности. Идеал как основание активного действия заставляет человека бороться за Добро, защищать справедливость. В-третьих, идеал — объективен, не является порождением субъективной воли и представления и включает в себя требование уважения к изначальной человеческой природе и к человеческому сообществу.